

Сун Лань, держа Муса за руку, неспешно прогуливался по территории Военного департамента. Утреннее солнце светило мягко, а дорожки под ногами были чистыми и ровными.

В детстве Сун Лань часто представлял, какой станет его жизнь, когда он вырастет. Он думал, что будет носить удобную домашнюю одежду, расслабленно сидеть в залитом светом дворике с любимой книгой, а рядом будет находиться близкий ему человек. Они могли бы просто сидеть, прижавшись друг к другу, и наслаждаться тишиной и спокойствием.

Но он ошибся. Мир взрослых оказался вовсе не таким прекрасным: давление учебы и работы способно любого свободного духом молодого человека превратить в измотанного трудягу.

Сун Лань уже давно перестал вспоминать о своих юношеских мечтах. Все эти воображаемые картины словно превратились в хрупкие мыльные пузыри, которые беспощадная реальность легко лопнула, оставив лишь грязную лужу.

И вот теперь, в этом странном мире инсектоидов, он вдруг снова вспомнил те мечты.

Сун Лань посмотрел на их переплетенные с Мусом ладони, и в его глазах вспыхнула невыразимая нежность. В этот момент ему показалось, что мечта его юности каким-то чудесным образом начинает потихоньку воплощаться в реальность.

Мус привел его в комнату отдыха. Внутри было оживленно: у входа стоял горшок с пышным растением, кто-то играл в карты, кто-то сражался в настольные игры. Военные-самцы, находящиеся в отпуске, наконец-то могли позволить себе расслабиться.

Мус не сводил глаз с лица Сун Ланя, готовый в ту же секунду увести его, если господину-самцу станет некомфортно. Но Сун Лань, судя по всему, освоился прекрасно и с любопытством рассматривал все вокруг. Наконец успокоившись, Мус начал спокойным голосом отвечать на вопросы своего маленького господина-самца. Даже зная, что его супруг-самец не в себе и, возможно, забудет ответ уже через мгновение, Мус терпеливо продолжал всё объяснять.

Вдоль стен комнаты были расставлены музыкальные инструменты: пианино, гучжэн, скрипка, виолончель, эрху...

При виде инструментов глаза Сун Ланя загорелись. Он протянул руку и слегка коснулся клавиш, в глубине его души промелькнуло знакомое чувство радости. После того как родители забрали его в город, они вечно пропадали на работе и, чтобы он не скучал, записывали его на кучу кружков, где он был предоставлен сам себе. Бесчисленные одинокие вечера Сун Лань проводил в музыкальном классе. Уставал играть — брался за книгу, клонило в сон — ложился спать прямо там. У него была собака, но после того, как она погибла, он больше никогда не заводил питомцев.

— Это музыкальный инструмент, говорят, у него очень долгая история, — Мус взял пальцы Сун Ланя и мягко нажал на клавишу. Пианино издало одинокий звук.

Будучи военным-самцом, он ничего не смыслил в древних инструментах. Если бы Сун Лань попросил рассказать о каком-нибудь древнем боевом мехе, он бы мог сочинить захватывающую историю, чтобы развлечь маленького самца.

Слушая знакомый звук пианино, Сун Лань вдруг почувствовал, как у него зачесались руки. Он слегка поджал пальцы и поднял взгляд на Муса, улыбнувшись. Эта улыбка отличалась от той, с которой он обычно капризничал: она была искренней, лишенной притворства и слабости, отчего его лицо казалось холодным и ясным, а взгляд — лучистым.

Сердце Муса дрогнуло. Он снова взял руку Сун Ланя и позволил ему беспорядочно побренчать по клавишам. Сун Лань пришел в еще больший восторг. Разноголосые звуки пианино разнеслись по залу, привлекая любопытные взгляды.

В группе сплетников среди военных-самцов тут же началось обсуждение:

— Честно говоря, этот самец выглядит очень даже неплохо. Гляньте, гляньте! Пальцы такие тонкие, белые — куда красивее, чем у полусамцов, которые только и делают, что ухаживают за собой.

— Вы посмотрите, как он играет, это же так красиво! Да и фигура у него отличная, ни грамма лишнего жира, куда лучше, чем те... (вы сами знаете кто).

— Внешность и правда хороша, жаль только, что он дурачок...

Сун Лань не знал, какое внимание привлек, все его мысли были заняты этим пианино. Он перехватил запястье Муса, уголки его губ поползли вверх. Он переплел свои пальцы с пальцами Муса и начал хаотично водить ими по клавишам. Он слегка касался их, не извлекая звука. Никто не знал, что сейчас он на самом деле играет беззвучную мелодию.

Подожди еще немного. Когда он сбросит оковы навязанной ему роли, то обязательно сыграет для Муса по-настоящему.

Сун Лань на мгновение задержал взгляд на инструментах, еще раз с тоской посмотрел на губную гармошку в углу и неохотно отвел глаза.

Господин-самец любит такие вещи? Взгляд Муса задержался на инструментах, на которые долго смотрел Сун Лань. Он решил, что, как только они вернутся домой, он закажет для господина-самца лучшие инструменты.

За пределами комнаты отдыха пространство стало шире: по обе стороны дороги росли высокие деревья, а здания выглядели более строго и внушительно.

— Это переходная зона между общежитиями и внутренними помещениями департамента.

Пройдем еще несколько сотен метров, и будет место, где работает мой супруг-самец, — тихо сказал Мус.

Он шел вместе с Сун Ланем по пустой дороге. Время смен у военных-самцов уже прошло, поэтому вокруг почти никого не было. В отличие от шумной комнаты отдыха, здесь Сун Лань отчетливо слышал их шаги, а сердце от тишины вокруг становилось спокойным.

Сун Лань довольно прищурился и уже собирался, как обычно, начать капризничать, следуя своей роли, как вдруг неподалеку на землю повалился военный-самец в длинном черном плаще. Плащ полностью скрывал его тело, Сун Лань даже не мог разглядеть лица. Рядом с ним валялся простой костыль.

— Супруг-самец, что с ним? — испуганно прошептал Сун Лань, крепче вцепляясь в руку Муса.

Мус успокаивающе похлопал его по ладони и широкими шагами направился к незнакомцу. Стоило Мусу коснуться края черного плаща, как он замер. Сун Лань стоял поодаль и, волнуясь, хотел помочь осмотреть пострадавшего. Мус, словно что-то вспомнив, попытался жестом остановить его, но опоздал — Сун Лань уже откинул край плаща.

Одной голени у военного-самца не было, а другая — уцелевшая — вся была покрыта черными наростами разного размера. Эти выросты будто обладали сознанием и продолжали медленно захватывать новые участки кожи. Они расширились неспешно, но Сун Лань физически ощущал этот процесс.

Зрелище было настолько пугающим, что у него выступил холодный пот. Он застыл на месте, ошеломленный увиденной раной, и на мгновение забыл, как дышать.

— Не бойся, всё хорошо, ничего страшного.

Мус закрыл Сун Ланю глаза рукой и осторожно помог ему подняться.

— Не бойся, господин-самец, я рядом, всё в порядке.

Мус смотрел на Сун Ланя с глубокой жалостью и тревогой.

— Это я виноват, напугал тебя, — в смятении извинялся он.

Пока Мус успокаивал Сун Ланя, он вызвал службу спасения, чтобы пострадавшему оказали помощь.

— Супруг-самец, почему он стал таким? — голос Сун Ланя охрип.

Мус посмотрел на его бледное лицо и после долгого молчания ответил честно:

— Скорее всего, получил травму на задании.

Сун Лань взял Муса за руки, ощущая мозоли на его ладонях, и спросил:

— Все задания такие опасные? Почему он так пострадал? А... а супруг-самец... тоже получает раны?

Сун Лань подавил страх, обнял руку Муса и не выпускал ее, а по его щекам потекли слезы. Он даже издал тонкий всхлип. Сун Лань чувствовал себя так, словно его накрыла огромная тень — одновременно грустная и жалкая.

Мус вздохнул и притянул Сун Ланя к себе, поглаживая его по мягким волосам.

— Нет, что ты. Твой супруг-самец очень силен, со мной ничего не случится.

Он объяснял это низким голосом, и, словно боясь, что самец ему не верит, добавил:

— Я ведь генерал, самый сильный военный-самец. Пожалуйста, не плачь, хорошо?

Сун Лань всё еще тихо всхлипывал. Он проплакал в объятиях Муса довольно долго, прежде чем немного пришел в себя. Только теперь он по-настоящему осознал, что находится в мире инсектоидов. В мире, где царит закон джунглей и обитают куда более страшные свирепые звери с ядовитыми клыками. Военные-самцы вынуждены лицом к лицу сталкиваться с ужасами, и каждое задание — это риск для жизни. И это касается Муса — его супруга-самца.

Хорошее настроение Сун Ланя было полностью разрушено. Когда раненого увезли спасатели, Сун Лань молча последовал за Мусом обратно.

Маленький самец был сильно напуган... Мус сжал губы в тонкую линию, не зная, как утешить его.

Сун Лань спросил систему про себя: «Дабин, почему тот военный-самец так сильно пострадал?»

Через пару секунд система ответила:

«Тот военный-самец был недавно повышен до звания младшего генерала. Имперские правила гласят, что военные-самцы выше звания полковника могут брать индивидуальные задания для получения большого количества военных баллов. Он решил взять задание сам, чтобы порадовать своего господина-самца. В итоге, его сил не хватило, чтобы справиться со свирепым

зверем, и он был поражен его ядом».

Сун Лань долго молчал, а затем спросил:

«Его можно вылечить?»

Механический голос системы прозвучал холодно:

«Раньше можно было, но он упустил лучшее время для лечения. Теперь уже поздно, ногу не спасти».

Сун Лань не ответил, его взгляд был тяжелым. Чуть позже система добавила:

«Тот военный-самец запустил лечение, потому что у него не было денег».

Сун Лань замер, быстро осознав, что имеет в виду система. Всё из-за господина-самца? Он рисковал жизнью ради него, получил тяжелое ранение, был брошен им без всякой жалости и остался без единого кредита на лечение...

Сун Лань вдруг вспомнил вчерашних Кемо и Муло, которые приходили к Мусу за военными баллами, и сжал кулаки так, что побелели костяшки. Ему нестерпимо захотелось врезать Муло по лицу!

<http://bllate.org/book/21318/2162968>